

В.Л. 95.

13

Евгений СВЕТЛАНОВ: *Галос - 1995 - 13 февр. - е.б.*
"Всегда работал для нашей страны и свято верил в идеалы..."

— Евгений Федорович! Вы пианист, дирижер, композитор. В каком качестве вам хотелось бы войти в историю музыки?

— Главное дело моей жизни — это сочинение музыки. Потом дирижирование. На третьем месте — фортепьянная деятельность. Наконец, я написал очень много критических статей. Их набралась целая книга — "Музыка сегодня". Но знают меня главным образом как дирижера.

— В чем же состоит ваша цель как дирижера?

— В том, чтобы исполнить и записать всю русскую симфоническую музыку — от Глинки до Мясковского. И мне с Государственным оркестром России это удалось. Получилась настоящая антология русской музыки — примерно 120 компакт-дисков, из которых вышло около 100.

— Почти 30 лет вы стоите во главе Государственного симфонического оркестра России...

— Да, хотя впервые я пришел в Госоркестр СССР еще в 1954-м, в бытность дирижера Натана Григорьевича Рахлина. Потом, став главным дирижером Большого театра, я постоянно появлялся в Госоркестре в качестве гостя. А 30 лет назад официально возглавил его.

— Вы отметили 50-летие своей композиторской работы. Допу-

скали ли в прошлом фальшивые ноты — как композитор, исполнитель, общественный деятель? Можете в чем-то себя упрекнуть?

— Конечно, я не безгрешен. Но, думаю, мои грехи не так уж велики. Я никогда не кривил душой — ни в музыке, ни в высказываниях, за что иногда мне сильно попадало. Когда заканчивал институт Гнесиных, меня даже хотели исключить из комсомола. Я был возмущен, что преследуют Рахманинова и Метнера. Были беды и другого порядка: когда собирался поступить в Большой театр пианистом, меня вызывали на Лубянку, где предъявили претензии за анекдоты в студенческой компании. Я начисто все отрицал. Но в Большой театр меня тогда не взяли... В партии никогда не состоял. Хотя всегда работал для нашей страны и свято верил в идеалы.

— ??

— В прошлые годы были созданы замечательные образцы отечественной культуры во всех ее областях. И в музыке тоже.

— Но страна была полностью лишена свободы, в том числе творческой.

— Да, это так. Но, к счастью или несчастью, мы многого не знали. И я за то, чтобы скорее прошел этот угар оплевывания

или самооплевывания. Все-таки надо гордиться нашей культурой, беречь ее лучшие традиции.

— Утечка талантов создает проблемы для вашего оркестра?

— Конечно, и мне приходится об этом только сожалеть: время сейчас очень трудное. Тем не менее наш оркестр нашел спонсоров и сегодня по сравнению с другими столичными оркестрами уровень зарплат у нас самый высокий.

— А вы никогда не сожалели о том, что остались дома?

— Возможно, я белая ворона среди своих коллег, которые понакупали дома, виллы и т.д. Но я никогда не думал о материальной стороне и продолжал думать только о музыке.

— Стало быть, собственность вас не обременяет?

— Нет. Разве что года четыре назад моя жена засучив рукава совершила чудо — построила дачу на Николиной Горе. Дача скромная, но для меня там райский уголок.

— Вам, человеку искусства, политика чужда? Что лучше для музыканта: держаться подальше от властей или, напротив, принимать активное участие в общественной жизни?

— Как известно, человек не может быть свободным от общества. Но сейчас участвовать в политике лично я не хотел бы. Там полная анархия. В борьбе за власть у нас совершенно забыли о народе.

— Исполнение вашим оркестром на фестивале Владимира Спивакова во французском городе Ко-

льмаре скрябинской "Поэмы экстаза" один из критиков назвал "мистическим". Вы действительно в какой-то мере мистик?

— Не могу так сказать. Хотя какие-то поверья, отчасти суеверие мне не чужды. Я человек верующий, но без фанатизма. Что же касается исполнения Скрябина, то его музыка, как он сам говорил, рождена мыслью и должна нести мысль.

— Когда, с вашей точки зрения, создается самая великая музыка? В годины испытаний или в дни благополучия?

— Думаю, что самые лучшие страницы советской музыки созданы именно в годы испытаний.

— Должна ли музыка быть доступной народу или это все-таки искусство элитарное?

— Свою задачу я вижу отнюдь не в самоутверждении. "Всего себя отдай людям", — говорил Мусоргский.

— В духовном плане вы, если не ошибаюсь, близки к "Могучей кучке"? Ваши корни туда уходят?

— Безусловно. В буквальном и переносном смысле. Мой дед — знаменитый критик Семен Николаевич Кругликов — был ближайшим другом Римского-Корсакова.

— Последний вопрос, который сегодня в интервью со знаменитостями любят задавать мои западные коллеги. Какую музыку вы заказали бы на собственные похороны?

— Хотел бы, чтобы было исполнено ко-что из моих произведений.

Беседу вел Юрий КОВАЛЕНКО. Париж.

Я БЛИЗОК К "МОГУЧЕЙ КУЧКЕ"

Светланов Евгений